

Словенский авангард и его отношение к национальным традициям

В межвоенный период словенская литература оставалась достаточно традиционной, все еще влиятельными были реализм, натурализм и символизм, сохранявшие свои позиции с конца XIX — начала XX веков. Однако постепенно в национальную литературу проникают и новые веяния. Потребность в новом, свойственная практически каждому молодому, только заявляющему о себе поколению художников, обострили исторические катаклизмы — в первую очередь опыт и итоги Первой мировой войны. В Словении в 1920-е гг. передовые позиции занимает национальная разновидность экспрессионизма, на развитие которой не в последнюю очередь повлияли немецкие, частично итальянские образцы, взаимодействие с литераторами народов-соседей (напр., Хорватии), а также интерес к русской культуре.

Словенскому экспрессионизму присущи черты, роднящие его с подобными течениями в Германии, Австрии или Чехии, однако именно, казалось бы, противоречащая исходным принципам авангарда связь с традицией (часто подспудная) отличает искания его представителей. Частично он продолжает словенскую модерну, частично ориентируется на шедевры европейского символизма и даже импрессионизма и так далее — тем не менее, основным остается желание уйти от присущего там индивидуализма и проложить новые пути к надличностному мировосприятию.

В словенском литературоведении эпоха развития национальной литературы между двумя мировыми войнами весьма проработана, существует ряд специальных исследований, посвященных отечественному авангарду. Появляются собрания сочинений с подробным научным комментарием, специальные альбомы с коллажами и факсимиле рукописей, переиздания

малодоступной периодики того времени; особое внимание уделяется изучению неопубликованного наследия выдающихся поэтов¹. Среди современных словенских литературоведов, занимающихся авангардом, вероятно, следует особенно выделить Марьяна Довича и Янеза Вречко: один большее внимание уделяет первому словенскому поэту-авангардисту Антону Подбевшеку (1898–1981), другой же — крупнейшей фигуре поэтического авангарда в Словении Сречко Косовелу (1904–1926). Оба писателя — представители его так называемого «революционного» крыла, имевшего место в словенской литературе наряду с католическим. Ряд произведений, созданных в сфере левого (социально ответственного) крыла словенской литературы, были довольно рано опубликованы в Советской России. Уже в 1937 г. поэт Алексей Сурков (1899–1983) вводит их в сборник «Путем песни», сюда вошли переводы стихотворений Сречко Косовела, Тоне Селишкара (1900–1969), Миле Клопчича (1905–1984), а также Отона Жупанчича (1878–1949), известного представителя словенской модерны, прожившего долгую творческую жизнь и ставшего лицом словенской поэзии первой половины XX в. Этот сборник открывает череду антологий, созданных в советское время, где можно найти разрозненные стихи этих и других словенских авторов в переводе Леонида Мартынова (1905–1980), Давида Самойлова (1920–1990) и т.д. Наряду с этим стихи Косовела предваряют (в качестве своеобразного эпиграфа) новейшую антологию словенской поэзии «Из века в век. Словенская поэзия: Стихотворения», вышедшую в серии

¹ См., например: *Kosovel S. Iz zapuščine: pesmi, neobjavljene v Zbranem delu*. Ljubljana, 2010; *Dovič M. Mož z bombami: Anton Podbevšek in slovenska zgodovinska avangarda*. Ljubljana—Novo mesto, 2009; *Podbevšek A. Moje ekstaze skulptura: znanstveno kritična izdaja pesniškega opusa*. Ljubljana—Novo mesto, 2008; Tank!: *slovenska zgodovinska avangarda: revue international de l'art vivant*. Ljubljana, 1998; *Vrečko J. Srečko Kosovel, slovenska zgodovinska avangarda in zenitizem*. Maribor, 1986. — etc.

«Из века в век. Славянская поэзия XX–XXI»² и посвященную второй половине XX в. Это стало возможным, поскольку настоящее открытие творчества Косовела состоялось уже после 1967 г., когда был наконец-то опубликован его цикл «Интегралы'26»³ и стало ясно, что это одна из вершин европейского конструктивизма, что гениальный поэт (как это зачастую бывает) вновь своим искусством обогнал время.

Если же обратиться к российскому литературоведению, то, конечно, бросается в глаза отсутствие крупных исследований по словенскому авангарду. Вместе с тем межвоенный период словенской литературы освещен в специальной главе третьего тома «Истории литератур западных и южных» (2001), автором которой явился В.В. Сонькин⁴. В «Лексиконе южнославянских литератур» (2012) есть обобщающая статья «Авангард» Л.Н. Будаговой, где дается общее представление и об особенностях словенского авангарда, а также статьи Н.Н. Стариковой, посвященные Славко Груму (1901–1949), Сречко Косовелу и Мирану Ярцу (1900–1942)⁵. Ей принадлежит и ряд других публикаций на указанную тему⁶. Так или иначе представители словенского авангарда привлекали внимание российских

² *Kosovel S. Premišljevanje = Косовел С. Размышление // Из века в век. Словенская поэзия: Стихотворения. М., 2008. С. 26–27.*

³ *Kosovel S. Integrali'26. Ljubljana, 1967.*

⁴ *Сонькин В.В. Словенская литература. Часть II. Литература межвоенного двадцатилетия (1920–1930-е гг.) // История литератур западных и южных славян: в 3-х тт. Т. III: Литература конца XIX — первой половины XX века (1890-е годы — 1945 год). М., 2001. С. 637–665. — Позже эта глава в несколько переработанном виде войдет и в коллективный труд: Словенская литература XX века. М., 2014. С. 57–90.*

⁵ *Лексикон южнославянских литератур. М., 2012. С. 18–26, 93–94, 190–192, 556–557.*

⁶ *Старикова Н.Н. К проблеме экспрессионизма в словенской литературе // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 339–348; Она же. Словенские поэты-авангардисты 1920-х гг. // Поэтический мир славянства. Общие тенденции и творческие индивидуальности. Исследования по славянской поэзии. М., 2006. С. 136–147.*

ученых⁷. Кроме того, благодаря развитию научных связей в последнее время в российской научной периодике все чаще появляются переводы трудов словенских литературоведов; среди них есть и посвященные словенскому авангарду: работы Л. Краля, Я. Вречко, М. Коса⁸. Как видно из географии упомянутых публикаций, наряду с Москвой, значительных успехов в этой области достигли коллеги из Перми.

Большим достижением в популяризации в России словенского авангарда стал перевод (в Перми) и публикация в 2014 г. (в Москве) сокращенной версии фундаментального исследования Янеза Вречко, в центре которого стоит творчество Сречко Косовела⁹ и благодаря которому выявляются глубокие связи его *конструкций* (или *консов*) с русским конструктивизмом, а также утверждается наличие на литературной карте Европы еще одного центра литературного конструктивизма, где создавались образцы высочайшей пробы не только эстетической, но и этико-философской. На родине труд «Сречко Косовел» (2011) был удостоен премии Государственного агентства по исследовательской деятельности Республики Словении как лучшая литературоведческая книга года.

В России сокращенный вариант исследования получил название «Конструктивизм и Косовел»¹⁰. По сути дела это

⁷ Автор настоящей статьи также обращался к ним, см.: *Созина Ю.А.* Словенские поэты Божо Водушек (1905–1978) и Миле Клопчич (1905–1984) // Славянский альманах 2005. М., 2006. С. 346–355.

⁸ *Краля Л.* Период экспрессионизма в словенской драматургии (обзор) // Славяноведение. 2000. № 1. С. 47–55; *Вречко Я.* Косовел и русский литературный центр конструктивистов // Филологические заметки: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 2: в 2-х ч. Пермь–Люблина, 2003. Ч. II. С. 4–36; *Кос М.* Косовел и нигилизм: попытки конструктивной деструкции // Филологические заметки — Филолошки студии — *Filološke pripombe*: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4: в 2 ч. Пермь—Скопье—Люблина, 2006. Ч. 2. С. 56–64.

⁹ *Vrečko J. Srečko Kosovel.* Ljubljana, 2011.

¹⁰ *Вречко Я.* Конструктивизм и Косовел. М., 2014.

первая монография словенского литературоведа, изданная на русском языке¹¹.

Здесь нет необходимости подробно представлять эту книгу, которая, безусловно, будет полезна читателям, интересующимся отечественными и зарубежными авангардными течениями прошлого века. Наша задача — сосредоточиться лишь на тех аспектах труда, которые подчеркивают преемственную связь творчества Сречко Косовела с литературными традициями. Тем более, что так определенно вопрос еще не ставился ни в словенском, ни в российском литературоведении. Главным оставались выявление и анализ того нового, что привнес словенский авангард, а традиционное в нем, хотя и признавалось, но оставалось на периферии исследований. Единственным исключением, пожалуй, можно назвать статью Марко Ювана «Архаист и новатор: пародия Тавчара¹² на Подбевшека»¹³. Вопрос о традиционности в творчестве последнего в ней рассматривается сквозь призму исторического спора представителей разных поколений, а следовательно — и разных художественно-эстетических концепций времен утверждения авангарда на литературной арене Словении. Свой фельетон «“Электропила”

¹¹ Справедливости ради упомянем, что в конце ушедшего тысячелетия на русский язык была переведена книга о Л.Н. Толстом, написанная Янко Лавриним (1887–1986), по происхождению словенца, но эмигрировавшего в Россию, затем (после Октябрьской революции) в Великобританию и там более полувека проработавшего в Ноттингемском университете: *Лаврин Я.* Лев Толстой сам свидетельствующий о себе и о своей жизни (с приложением фотодокументов и иллюстраций). Челябинск—Пермь, 1999. — Свою первую книгу о Толстом (на английском языке) Лаврин опубликовал еще в 1924 г., затем последовали многие переиздания на разных языках мира. Подробно о Лаврине см.: Янко Лаврин и Россия. М., 2011.

¹² Имеется в виду знаменитый словенский писатель Иван Тавчар (1851–1923).

¹³ *Juvan M.* Arhaist in novator: Tavčarjeva parodija na Podbevška // *Antona Podbevška 100 nadnaravnih let: [zbornik razprav s Simpozija Anton Podbevšek, začetnik slovenske zgodovinske avant-garde, ki se je zgodil v Novem mestu, 13. januarja 1998, ob stoletnici pesniškovega rojstva]*. Novo mesto, 2000. S. 65–79. — В качестве приложения здесь приведены тексты и фельетона И. Тавчара, и произведения А. Подбевшека.

и др.» Иван Тавчар опубликовал в газете «Словенски народ» 13 февраля 1921 г.¹⁴

В монографии «Конструктивизм и Косовел», уже в первой ее главе Вречко отмечает, что сам поэт осознавал европейское значение своего творчества, благодаря которому роль Любляны как литературного центра приравнивается к роли Берлина: «Если Берлин был идеальным местом для соединения авангарда Востока и Запада, то Любляна, благодаря Косовелу, стала идеальным местом для синтеза литературного конструктивизма и традиции, именно он создал уникальный прецедент в европейском поэтическом конструктивизме»¹⁵. Главным здесь для понимания сути поэтического творчества самого Косовела, да и других писателей, связанных с авангардизмом, пожалуй, является *синтез*, который можно определить как одно из свойств словенской литературы XX в. в целом.

Таким образом, Косовел не только понимал значение и силу традиции, но и в своих произведениях опирался на нее, считая необходимой базой для постройки принципиально нового здания современной литературы. В связи с освоением Косовелом деятельности поэтов-зенитистов, еще до его обращения к конструктивизму, Вречко приводит высказывания самого поэта о сомнительности претензий авангардных течений на принципиальную оригинальность, на небывалую новизну вообще: «Косовел хотел *“настоящих поэтических действий”* (II, 704¹⁶). Для него были характерны крайняя серьезность творчества, верность истине, жизни и поэзии. Он быстро понял, что зенитизм

¹⁴ *Tavčar I.* »Električna žoga« in drugo // *Tavčar I.* Zbrano delo. Knj. 8: Ocene in polemike; Pisma; Dodatek. Ljubljana, 1959. S. 161–168.

¹⁵ *Вречко Я.* Конструктивизм и Косовел. С. 20.

¹⁶ Здесь и далее при цитировании Косовела в скобках указывается номер тома и страница в собрании сочинений: *Kosovel S.* Zbrano delo. 3 zv. v 4 kosih. Ljubljana, 1964–1977. Knj. 1: Pesmi. 1964; Knj. 2: Integrali; Pesmi v prozi; Črtice; Dodatek. 1974; Knj. 3. Del 1: Članki, eseji, ocene; Pisma; Dnevnik. 1977; Knj. 3. Del 2: Dodatek I; Dodatek II; Opombe; Kazala. 1977. S. 799–1321.

и экспрессионизм не привносят в литературу ничего такого, чего уже не привнесли в нее ранее поэты “*всех времен и народов*”, поскольку “*искусство всегда было противвесом механическому, утилитарному, эгоистическому обществу; всегда, не только сегодня*” (III, 657)»¹⁷.

Вероятно, здесь сыграла свою роль и специфика словенской литературы, в лоне которой вырос Косовел. Она развивалась, так сказать, на пересечении различных культурных и идейных веяний, никогда не была в строгом смысле слова обособленной, поскольку ее лучшие представители всегда интересовались тем, что происходит у соседей и вообще в мире, но главным их устремлением было сохранить свою национальную идентичность, подчеркнуть словенскую самобытность, язык же (что особенно важно в свете формальных экспериментов) оставался для большинства из них святыней, как основной национально-образующий фактор. Трепетно бережное отношение к родному слову характерно и для Косовела. Для него слово всегда было значимым, а стихотворение — единым целым при всех редукциях и абстракциях, играх с синтаксисом или метафорой: «Все, что есть в стихотворении, должно иметь определенное значение [...] Стихотворение должно иметь нечто, за что я его называю стихотворением» (III, 705).

По всей видимости, именно поэтому, как считает Вречко, Косовела так увлекло изучение поэтики русского конструктивизма, ведь благодаря ему в слово вернулось его значение: «Только на этой основе он начал создавать новое органичное искусство, главным признаком которого стало единство содержания и формы (III, 13)»¹⁸; «Очевидно, что все другие авангардистские течения, признававшие только самодостаточность слова, его трансрациональность или заумность, а также достижения современной бездушной цивилизации (машины,

¹⁷ Вречко Я. Конструктивизм и Косовел. С. 31.

¹⁸ Там же. С. 37–38.

механизмы, технику и т.д.), не могли удовлетворить Косовела. Он их не принял, вступал с ними в полемику. В список таких течений, несомненно, входили итальянский футуризм, зенитизм, а также экспрессионизм»¹⁹.

Впрочем, период «заигрывания» словенских писателей с экспрессионизмом достаточно быстро закончился. (Можно сказать, что в чистом виде экспрессионизм так и не выделился в самостоятельное течение и не стал ведущим направлением национальной литературы, хотя и присутствовал в ней в разнообразных формах и подспудно влиял на общий ход ее развития.) «Лабораторные опыты» с формой сменяются пристальным вниманием к социальным проблемам общества, к правде жизни, а уже к 1930-м гг. на первый план выходит и актуальное реалистическое повествование. Словенский авангард, как заметил исследователь Йоже Погачник, «переболел экспериментом и деструкцией и пробовал функционировать в социальном пространстве»²⁰.

27 июля 1925 г. Сречко Косовел напишет: «Литература должна будить в людях жажду знания! Должна увеличивать жизненную силу [...] Жизнь — это серая, пустая повседневность, она требует борьбы, борьбы, борьбы. Эта серая жестокая повседневность не пощадит» (III, 401). Все должно отвечать именно этой задаче: формальный эксперимент, духовные искания, культурная традиция — и тогда возникнет синтез, перерастающий в «жизненную проблему» (III, 650–651).

Косовел осознавал, что традиционное искусство (по крайней мере, в Словении) находится в трудном положении, и не предлагал «оживлять мертвеца», наоборот — призывал этого не

¹⁹ *Вречко Я.* Конструктивизм и Косовел. С. 43.

²⁰ *Рогачник Ј.* Slovenski konstruktivizem // *Obdobje ekspresionizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi* (tipološka problematika ob jugoslovanskem in širšem evropskem kontekstu): Mednarodni simpozij v Ljubljani od 30. junija do 2. julija 1983. XIX. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1984. С. 162.

делать. Однако традиции не музейная пыль, они в самом мировидении и мировосприятии, они в слове, но не в абстрактной его сущности, а в *жизненной определенности*. Как отмечает Вречко: «Будучи самостоятельной творческой личностью, Косовел сумел доступными ему средствами создать теорию поэтического слова, которая подтверждала, что даже в рамках таких авторитарных авангардистских течений, как итальянский футуризм Маринетти, возможны свобода и субъективные взгляды. Этому способствовало обостренное чувство родного языка, на котором к этому времени в Приморье уже нельзя было публично говорить. Поэт не смог подчиниться авангардистской поэтике и трансформировал ее в пригодную для собственного творчества форму»²¹.

Широко известны два манифеста Косовела «Кризис» (лекция 1925 г.) и «Механикам!» (того же года). Вречко считает, что все отличительные признаки манифеста есть и в тексте, озаглавленном «Неглавное» и композиционно выстроенном по принципу деструкции и конструкции: сначала «разрушать», чтобы потом «строить». Поэт критикует невыносимую ситуацию в Любляне, в этом «старом склепе искусства», который «предлагает [...] художнику кладбище, а не жизнь». Затем защищает «новый метод», изобретенный его поколением. Этот метод учитывает «присутствие всего умирающего, угасающего», но действует как побуждение, предлагает «светлое сияние жизненной радости». И потому «над люблянским замком больше красных флагов, чем черных». Поэтому «наша миссия — миссия присутствия, поскольку все художественные устремления нового человека можно свести к одному состоянию: присутствию» (III, 106–107).

В своем творчестве Косовелу удалось объединить революционные устремления авангарда и одновременно не отказаться от привычного слова, не позволить низвести его до «вещи», а

²¹ Вречко Я. Конструктивизм и Косовел. С. 85.

также сохранить традиционность, связанную с национальной идентичностью. При всем этом его стихотворения (в первую очередь, созданные незадолго до безвременной кончины поэта) действительно можно назвать вершиной не только отечественного, но и европейского авангарда. Их отличают органичный синтез новых и старых начал, не противоречащий общему развитию словенской литературы, а потому еще больше связывающий их с традицией.